

Литература

1. Lehmann Ch. Nexion – Complex sentences [Электронный ресурс]: (http://www.uni-erfurt.de/sprachwissenschaft/personal/lehmann/CL_Lehr/nexion/nexion_index.html; 29.12.2005); Кап. 4.
2. Гришина Н.М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
3. Белимов Э.И. Кетский синтаксис. Ситуация. Пропозиция. Предложение. Новосибирск, 1991.
4. Кручинина И.Н. Сложное предложение // Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. Ярцевой. М., 1990. С. 471–472.
5. Lehmann Ch. Nexion – Complex sentences. Erfurt: Universitt Erfurt [Электронный ресурс]: (http://www.uni-erfurt.de/sprachwissenschaft/personal/lehmann/CL_Lehr/nexion/nexion_index.html; 15.06.2006); Кап. 3.
6. Энциклопедия кругосвет (<http://www.krugosvet.ru/articles/87/1008752/1008752a1.htm>; 15.06.2006).
7. Васильева Н.В. Союз // Словарь / Ред. Ярцевой, М., 1990. С. 484–485.
8. Баранов А.Н., Добролюбов Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий лингвистический словарь с английскими эквивалентами. Т. 2. Немецко-русский словарь лингвистических терминов. М., 1993.
9. Баранов А.Н., Добролюбов Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий лингвистический словарь с английскими эквивалентами. Т. 1. Немецко-русский словарь лингвистических терминов. М., 1993.
10. Bluhdorn H. Zur Semantik der Konjunktion als. Paradigmatische und syntagmatische Aspekte // Linguistik online 13, 1/03 particulae collectae Festschrift fr Harald Weydt zum 65. Geburtstag. Herausgeberin / Editor: Elke Hentschel. (http://www.linguistik-online.de/13_01/index.html; 14.06.2006).
11. Костяков М.М. Некоторые тюркские параллели в области гипотаксиса // Советская тюркология. 1977. № 2. С. 62–68.
12. Vajda E.J. Ket. Muenchen, 2004.
13. Крейнович Е.А. Кетский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. С. 453–473.
14. Валл М.Н., Канакин И.А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск, 1990.
15. Werner H. Die ketische Sprache. (TUNGUSO SIBIRICA B. 3) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
16. Кетские фольклорные и бытовые тексты. Томск, 2001.
17. Сказки народов сибирского Севера. Томск, 1972. Вып. 1.
18. Werner H. Vergleichendes Wrterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 1. Wiesbaden, 2002.
19. Алексеенко Е.А., Гришина Н.М. «Земля» и «земное» в мифологической традиции кетов // Шаман и вселенная в культуре народов мира. СПб., 1997. С. 43–50.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВИДЫ СВЯЗИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА (КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ УСТНОЙ СЕЛЬКУПСКОЙ РЕЧИ: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА)

A.I. Кузнецова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Functional and grammatical connections

in the syntactic structure of Selkup

(importance of a communicative approach to the oral Selkup speech)

A.I. Kuznetsova

Moscow State Lomonosov University

This article presents a research which uses a corpus of Selkup sentences. These sentences are analyzed from functional and grammatical points of view and are taken into account of oral Selkup speech of different times.

В последней трети XX в. лингвисты активно обсуждали языки топикового строя, где топик устанавливает «пространственные, временные или личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация»¹ [1, с. 309]. Дискуссию вызвала статья Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон, которые предложили классифицировать синтаксис и языковые типы на основе степени поверхностной выраженности элементов предикативной оппозиции. В зависимости от того, что выдвигается на первый план (топик или подлежащее), языки были условно поделены на четыре группы [2, с. 195]. Это: 1) языки с выдвижением подлежащего, куда попали не только индоевропейские, но и финно-угорские, семитские языки (паряду с некоторыми другими); 2) языки с выдвижением и подлежащего, и топика (как японский и корейский); 3) языки, где нет выдвижения ни топика, ни подлежащего (тагальский язык) и 4) языки с выдвижением топика [2; 1]. К языкам последнего типа относят, напр., китайский язык [3; 4].

¹ Четверть века спустя Я.Г. Тестелец, цитируя данное определение, обратил внимание на то, что здесь мы в очередной раз сталкиваемся со своеобразием коммуникативных категорий. Пытаясь их охарактеризовать, лингвист вынужден вести речь не о внеязыковой ситуации, а о скрытой от нее непосредственного наблюдения коммуникативной деятельности говорящего по отбору и иерархизации смысловых компонентов предложения» [5, с. 463].

Вряд ли существуют языки, которые можно безоговорочно поместить в прокрустово ложе предложенной классификации. Так, литературный русский язык не причисляется к языкам топикового строя, однако синтаксис разговорного русского языка полон высказываниями, являющимися откровенно топиковыми и использующими при этом не-редко речевое излишество – плеоназм. В качестве примера можно привести выражения, не соответствующие «подлежащкой» модели литературного языка, зато типичные для речи разговорной: *Девушка, а у вас заказное письмо у вас где оно принимается?* (разговор на почте – А. К.). Или примеры В. В. Боровского: *А недостатки / при желании их можно превратить в достоинства. Стратегия игры / она будет наступательной. Обвинительное заключение / насколько оно соответствует действительности?* [3, с. 21–22]. При этом иногда бывает трудно определить, будет ли перед нами плеоназм или отдельная фраза. Именно так, двояко, интерпретируются некоторые из приведенных предложений, поскольку читающий не знаком с интонацией. Напр., если сочетание слов ‘Стратегия игры / она будет наступательной’ представить как диалог, во время которого выясняется стратегия игры и отвечающий переспрашивает задающего вопрос (*Какова будет стратегия игры? – Стратегия игры? Она будет наступательной!*), то ни о каком плеоназме не должно идти речи. Это будут два простых двусоставных предложения – вопросительное и повествовательное, причем вопросительное может быть эхолалией. В художественной литературе многие фразы также допустимо трактовать по-разному, игнорируя авторские знаки препинания: либо как несколько простых предложений, либо как бессоюзное сложное. Среди первых обычно бывают предложения назывные или простые двусоставные с пропущенной предикацией, что типично и для разговорной речи, и поговорок: *Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет*¹ (Блок); *Мать русская, отец – юрист* (В. Жириновский); *Вот государство, оно, вероятно, скоро вами заинтересуется* (Ильф и Петров); *Вот мельница!*

¹ В данном стихотворении из цикла «Пляски смерти» использован прием обрамления: оно когчается словами *Ночь, ледяная рябь канала, Аптека, улица, фонарь*. Иными словами, в двух четверостишиях представлен топик и антитопик. Может быть антитопик, которому предпослужает 17 топиков в виде назывных предложений, как в миниатюре Хорхе Луиса Борхеса «Канва» (перевод Б. В. Дубина): «...Закат, чым багрянцем пылает критская чаша. Игрушки ребенка по имени Тиберий Гракх. Перстень Поликрата, отвергнутый Роком. Каждая из этих утрат бросает длинную тень и предрешает любое твоё движение сегодня и завтра» [6, с. 240]. См. подробнее о топике типа post factum / антитопик у Чайфа [1, с. 312–313].

Она уж развалилась (Пушкин); *O, этот юг, о, эта Ницца! O, как их блеск меня тревожит!* (Тютчев); *В огороде бузина, в Киеве дядька* и др.

В северном (газовско-туруханском) диалекте селькупского языка вынесение вперед топика (как и в разговорном русском языке) является обычным делом. Следует сразу оговорить, что в работах Ч.Н. Ли – С.А. Томпсон, У.Л. Чайфа, В.В. Боровского, М. Нуэнна и др. самодийские языки не упоминаются вообще, хотя нельзя исключить, что они отнесены в группу финно-угорских языков, которые считаются «подлежащими». Селькупский язык, подобно разговорному русскому, в котором масса примеров, относящихся к топикальным¹, имеет топики не только предваряющие подлежащие, но и сообщаемые носителем дополнительно, post factum. В северном (газовско-туруханском) диалекте вынесение топика в постпозицию – обычное явление, особенно часто наблюдаемое в приметах², имеющих обязательную паузу перед объяснительной частью всей фразы:

- (1a) Kanak nüty-p am-ny-t – səty-ptä-tqo
Собака-NomSg сено-AccSg есть-3SgPresInd – дождь-NomenAct-Trasl.Sg.
'Собака сено ест – к дождю (т.е. предчувствуя дождь, перед дождем).

В подобных конструкциях имя действия, стоящее в Transl., как правило, выражает причину и часто переводится предлогом из-за.

- (1b) Tü cıqqu-m̥t-pa –
ОгоньNomSg дымить/трещать-Refl-Perf3Sg –
košk-ētta
плохо(<qosyk)-быть3SgFut
'Огонь дымился / щелкал – плохо будет'

- (1c) čičik-ja m̥t-tv təd-ēnta – qötyra-pöqy.
Птица-ребенок NomSg дом-III Sg лететь-Fut3Sg – плохо-AdvSuff
'Птенчик в дом влетит – беда / к беде' («бедово»).

¹ Напр.: «У меня вот эти вот книжки они всегда на той полке стоят», «У кого нет с собой денег, у лаборанта есть адреса, где можно будет купить эти книги».

² Подобная структура примет свойственна не только селькупскому, но и другим уральским языкам, см., напр., [7]. Характерны такого типа приметы и для русского языка, что видно по переводам приведенных селькупских примет.

(1d)	Säqäl'a	laŋk(y)-al'-sa	иçät
	Кукушка	крик-VerbInkhoat-Past3Sg	прежде-AdvTemp
nor		tōty-sa -	торуг аăša
богNomSg		ругаться-Past3Sg	- ягода-NomSg не-Neg
ētta			
			бытьFut3Sg

‘Кукушка кричала раньше грома (т.е. до того, как первый гром прогремит; букв. nor tōtysa ‘бог ругался’) – ягод не будет’.

Приведенные в качестве примеров приметы представляют собой бессоюзные сложные предложения, в которых выявляются условные отношения того, что должно случиться и что выражено во второй части предложения. Первые части в каждом предложении с точки зрения грамматической представляют собой простые двусоставные предложения. Вторые части – безличные предложения, относящиеся к разным семантическим сферам. Тем не менее при отсутствии союзов во всех предложениях *налицо смысловая связь* между частями, *оформленная лишь интонационно*, что вообще характерно для бессоюзных сложных предложений, в том числе и для селькупского языка. Предложения такого типа относятся к закрытым структурам, по терминологии С.О. Карцевского [8].

Для селькупского языка бессоюзие характерно не только для двусоставных предложений, которые лингвист нередко склонен объединять в бессоюзное сложное предложение, но и для большого количества номинативных (назывных) предложений, обычно интонационно никак не разделяющихся и которые могут быть рассмотрены также, как бессоюзное сложное, напр.:

(2a)	Ukkyut qum	ily-mmyn-t _y .	Ukkyut īja-t _y
	Один человек-NomSg	жить-Perf3Sg.	Один сын-NomSgPx
	ukkyut	ima-t _y	n̄qyut
	одна	жена-NomPx3Sg	три отец-SuffComb-Px3Sg

‘Один человек жил. Один сын-его одна жена-его (всего) трое домашних его’.

В последнем слове примера (2a) суффикс *-sy* (сокращение от *-syqä-/syqäqï-*) означает совместность, собирательность, в данном случае –

тех, кто живет вместе со стариком-отцом. Это сочетание суффиксальных элементов, состоящее из суффикса *-sy* и *-qäqï*, передает некую промежуточную между Sg и Pl категорию, означающую совместность лиц, обычно – родственников (некоторые расхождения в трактовке данного явления см. [9, с. 23; 10, с. 168, 339; 11, с. 218]). В случае собирательности предметов (в отличие от собирательности одушевленных существ вообще и наименований родственников в частности) в селькупском используется сочетание адъективной формы существительного в сочетании с неопределенным местоимением *tu* ‘штука’, напр., *magyu-l' tu* ‘архипелаг, острова, связанные между собой’ [12, с. 33–34; 10, с. 169–170].

Предложения, подобные примерам (1a, 1b, 1c, 1d), с позиции человека, проводящего грамматический анализ, равновероятно считать простыми или сложными бессоюзными предложениями, а со смысловой точки зрения – простыми или бессоюзными сложноподчиненными. Такие предложения встречаются не только в пословицах, приметах, где, исходя из жизненного опыта, легко определить причинно-следственную или временную зависимость частей предложения, но и в обычной разговорной речи, где это сделать значительно труднее: далеко не всегда возможно адекватно определить, какую часть предложения следует считать главной, а какую – придаточной. Совокупность назывных предложений также можно рассматривать, как бессоюзное сложное предложение, но с точки зрения смысловой (в отличие от предложений первого типа) их никак нельзя назвать сложноподчиненным предложением (см. 2 а).

Учитывая возможность только смысловой связи частей предложения в селькупском языке, лингвист должен помнить, что говорящий передко использует разного рода обстоятельственные обороты, среди которых особенно часты обороты с деепричастием, выполняющим функцию второстепенного сказуемого, которое передает одновременность действия, его предшествование и следование. Иными словами, лингвист имеет дело с полипредикативными конструкциями, среди которых встречаются моно- и полисубъектные и которые передают действия, происходящие одновременно или последовательно. В следующих примерах отражены действия одновременности в глаголе и деепричастии (3a, 3b), предшествования (3c) и следования главному действию (3d):

(3a)	Qonty-lä	ÿjkyl-pa-t _y :	kuty	kos
	Спать-Gerund	слышать-IndPerf3Sg	ктоPronInterrog	toPart.

čūra

плакать-IndPres3Sg

‘Сия, слышит-он: кто-то плачет’.

В приведенном и последующих предложениях с моносубъектными конструкциями формы деепричастий, выражющие действие одновременности, занимают разные позиции – начала и конца предложения. Пример (3а), кроме того, может быть истолкован двояко: как бессоюзное придаточное дополнения (т.е. «слышит, что кто-то плачет») и как бессоюзное сложное предложение с зависимой частью.

(3b) Am-ug-lä pülä qən-pu
Съесть-Usus-Gerund послеPosl. идти-Past3Sg
'Поех, он ушел'.

Здесь четко выражено действие предшествования в зависимой части предложения по отношению к главному действию.

(3c) Na čičik-ıja nətna or-qyl-lä
Эта птичка-детенышNomSg надо схватить-Breviat-Gerund

qət-ei-qo i tü-nty čatty-qo
убить-IntPerf-Inf и Сопj огонь-IIIsg бросить-Inf.
'Эту птичку (которая в дом влетит – см. также пример 4а) надо, схватив, убить и в огонь бросить'.

В данном примере отражена последовательность действий: птица в дом влетает – ее хватают; схватив, убивают; убив – в огонь бросают. Предшествование, как и в (3b), выражено в зависимой части предложения.

(3d) Lōs-ira tü-nty-l-oryč-čy (<tü-nty-lä+oryš-qo; čč<st)

Черт-старикNomSg подойти-Imperf-Gerund+начатьAuxVerb-Past3Sg sump(y)-lä
петь-Gerund
'Черт приближается (букв. 'подходя начал'), распевая'.

Зависимая часть – в постпозиции по отношению к главной.

Уже отмечалось, что многие селькупские предложения могут быть интерпретированы не только как простые или сложносочиненные (в том числе – бессоюзные), но и как сложноподчиненные:

(4a) Qaryt(n) kənty-ty īla
Утро-AdvGenSg заря-Px3Sg взойти-VerbIndPres3Sg
qənqolamna (<qənqo+olamqo).
yiltti начать-IndPres3Sg

‘Утренняя (утром) заря занялась, собрался-он уходить’ =
‘Как только (когда) утром заря занялась, он собрался уходить’.

Предлагаемый перевод поддерживается многими реально встречающимися структурами предложений, подобных примеру (4a), которые легко переоформляются в сложноподчиненные предложения с подлежащими времени, условия или места и функционируют в селькупском языке параллельно со сложными бессоюзными. Иными словами, цепочка простых предложений легко приобретает сложную структуру с подчинением придаточной части главной в смысловом отношении, что может выражаться не только бессоюзным способом, но и при помощи союзов, как в примерах (5a) и (5b):

(5a) Qata kanak kōty-mp-a –
ЕслиConjCond собакаNomSg выть-Durat-Pres3Sg –

kōlk-ētta
плохо(<qošyk)-быть3SgFut
'Если собака воет, плохо будет' (Ср. пример 1b).

(5b) Kušsat kanak
КогдаConjTemp собакаNomSg

rūjk-ar-na, na
перекатываться (с боку на бок)-на
SuffChar-IndPres3Sg эта собакаNomSg

somatta (<soma + ētta < ēnta)
хорошоAdv быть IndFut3Sg
'Когда собака валяется, (значит) этой собаке будет хорошо'. Ср. пример (1a, 1b).

В примере (5b), едва ли не в единственном среди приводимых здесь, суффикс *-ar* (означающий действие, к которому субъект склонен) в глаголе *rūjk-ar-na* может рассматриваться не только как

реляционный, относящийся к группе характеризационных совершаестей (акциональностей) [10, с. 232], но и как деривационный со значением ‘стать имеющим нечто’ (подробнее см. [10, с. 346]).

- (5c) Qata čičyk(a)-ja mōt-tu təš-ənta –
 ЕслиConj птичка-детеныши дом-IIIsg лететь-IndFut3Sg
 NomSg qötya-pöqy.
 плохо-AdvSuff.
 ‘Если птенчик в дом влетит, – к беде / беда’.

Сложноподчиненные предложения (подобно сложным бессоюзным предложениям, встречающимся в приметах) отражают временные отношения предшествования (см. 1a, 1b, 1c, 1d) и одновременности, как в следующем предложении:

- (6a) Tary tat nəkun-nanty / mat qal'tyr-ənta-k
 ПокаConj тыPron писать-LatPres2Sg яPron гулять-IndFut-1Sg
 ‘Пока ты пишешь, я буду гулять (погуляю’).

См. также примеры 1d, 5a, 5b, 5c, 6a и др., в которых четко видна последовательность событий.

Нередко сложноподчиненные предложения подменяются конструкциями с зависимой предикацией, как в примере (3b): *Na čičkija nənta orgyllä qəteiqo i tünty čattyqo* ‘Эту птичку надо, схватив, убить и в огонь бросить’); в данном предложении в его зависимой части действие передается деепричастной формой на *-lä* со значением побочного действия, совершаемого одновременно с главным. В таких случаях синтаксические обороты не обладают полными предикативными отношениями, а являются зависимыми частями опорного главного предложения, «полупредикатами». Они не самостоятельны (ср. аналогичную картину в синтаксисе тунгусо-маньчжурских языков или древнерусского), оставаясь на уровне осложненных предложений, выражавших сложную мысль. Отношения таксиса, таким образом, не обязательно передаются с помощью союзов: нередко сложноподчиненные предложения подменяются конструкциями с зависимой предикацией – с деепричастиями и причастиями, в которых семантико-синтаксическая структура выходит за рамки простого предложения.

Топики типа *post factum* обычно завершают рассказ, возвращая слушателя к его началу (3a, b), но могут заканчивать и предложение. Подобного вида топик У. Чейф назвал ‘антитопиком’ [1, с. 312–313]. Ниже приводятся примеры из рассказа охотника о его охоте с сыном на соболя, не очищенные от дискурсивных слов, повторов, случаев хезитации (колебаний), усечений и других особенностей спонтанной речи (в приведенном ниже примере перечисленные явления выделены курсивом, а в переводе на русский язык опущены).

- (7a) Ukkur pət tə... это qaryt soma это cəly īsa, soma cəly. Ну и Юрочка qəlym s'ötty s'ötty qəlym!
 ‘Однажды был хороший день. «Юрочка, пойдем в лес!»’
 (букв.: ‘Однажды мы...это утро хорошее это день хороший был, хороший день. Ну и Юрочка, пойдем в лес в лес пойдем!’).

Рассказ замыкает антитопик:

- (7b) Na cəlyty mē somByl'a sī qəssyut
 ‘В этот день мы пять соболей добыли’.

Антитопик нередко трактуется чисто психолингвистически, поскольку связан с особенностями грамматики говорящего, с организацией устного дискурса и процесса речепорождения со всеми проявлениями его речевых колебаний, которые влияют на структуру речевого потока [14, с.137–140] и которые весьма характерны для современных селькупов, еще как-то владеющих родным языком.

Особое соотношение в селькупских предложениях существует между прямой и косвенной речью, как это было и в древнерусском языке, примеры из которого анализировал в свое время С.О. Карцевский, выделивший среди закрытых структур подобный тип [8].

Четкого разграничения прямой и косвенной речи (которые бывают как с союзами, так и бессоюзные) у селькупов нет; это видно по следующим примерам:

- (8a) Šitty qum na tü-mmyñ-tu tər-y-puk
 ДваNumчеловекNomSg вотPart прийти-LatPerf-3Sg ты-D-All3Sg
 qaj tömra aš təny-m-al
 что/ли молModalPart неNeg ум/знание-SuffVerb-IndPres2SI

íja-1 kum é-ja
 сынNomSg-Px2Sg гдеAdv быть, находиться-IndPres3Sg
 ‘Два человека подходят к нему: что, мол, не знаешь ли, сын-твой где
 есть?’

Вопросительная частица *qaj* ‘что’, омонимичная вопросительному местоимению, обычно усиливает вопрос безотносительно к какому-либо конкретному члену предложения:

- (8b) Iča tat qaj m̥t̥-man-ty?
 ИчaNomSg тыPron2Sg чтоInerrogPart. спятить?-VerbIndPast2Sg
 ‘Ича, ты, что, с ума сошел?’

Разновидностью прямой речи является внутренний монолог человека. С этой точки зрения особый интерес для анализа построения текста вызывают устаревшие к настоящему времени шаманские песни. В шаманских текстах, в частности, обращают на себя внимание первоформативы (высказывания, произнесение которых соответствует самому действию, выражаемому соответствующим глаголом), которые обычно представляют собой бессоюзный способ подчинения или сочинения. В качестве примера можно привести текст, записанный Г.Н. Прокофьевым о шамане Кенгырселя, который «подумал сейчас упаду» и упал возле двери, через которую убежал от преследующих его лозов. Эту мысль шамана легко представить и как прямую речь (подумал: «Сейчас упаду»), и как косвенную речь с опущенным вводным словом (подумал, что, мол, сейчас упаду), и как сложноподчиненное предложение с придаточным дополнением. Предложения такого типа, которые могут быть интерпретированы многими разными равновероятными способами, свидетельствуют о хорошей сохранности в селькупском языке бессоюзного построения предложений.

Человек нередко задает вопрос самому себе, подстегивая тем самым себя к действию (в селькупском фольклоре такого типа вопрос служит для оживления внимания слушающих к рассказу). Для этого существуют специальные вопросительные глаголы местоименного происхождения. При конкретизации вопроса иногда используется вопросительное слово *kuččä*, дублирующее глагол:

- (8c) Ūka-m kuččä qattí -ja?
 Шапка-Px1Sg кудаPron/Adv деться-InterrogVerb3Sg
 ‘Моя шапка куда делась?’

В примере (8c) вопросительное местоимение-глагол *qattíqo* и некоторые другие (см. 8d) используются в качестве общего (нексусного) вопроса:

- (8d) Qattíqo ‘куда деться?’, qatamíqo ‘что случилось?’
 (букв. ‘что случиться’) и др.

По наблюдениям В.А. Москового [15, с. 105], в селькупском языке с его порядком слов SOV интерроргатив (так автор называет вопросительные местоименные глаголы) никогда в вопросительном предложении не переносится на первое место в предложении, т.е. селькупский язык относится к «языкам без тематизации интерроргативов». В.А. Московой объясняет это следующим образом. Как нексусный (т.е. общего характера), так и частный вопрос в таких языках, как правило, морфологически связан с глаголом в виде суффикса глагольной словоформы или глагольной энклитики и оформляется зачастую посредством адволов или местоимений (в состав которых входит общеобразовательная частица, которая глагольна); суффикс «еще до конца не утратил своей диффузности с глаголом и в силу этого интерроргатив не может быть перенесен в начало предложения на большую дистанцию от глагола, стоящего в конце предложения или ближе к концу» [15, с. 154].

Рассмотрение смысловых и грамматических видов связи в селькупском языке позволяет утверждать, что вполне до настоящего времени бессоюзные простые или бессоюзные сложносочиненные предложения (обнаружение последних часто зависит от трактовки их лингвистом) являются наиболее распространенными в повседневной разговорной речи его носителей, еще знающих селькупский язык. Однако со смысловой точки зрения бессоюзные сложные предложения во многих случаях равно допустимо интерпретировать и как сложноподчиненные. В итоге для селькупского языка оказывается характерным переплетение смысловой связи между предложениями (или его частями) и грамматических способов соединения частей сложного предложения.

Сокращения

Acc. – Аккузатив; AdvTemp. – наречие времени; AuxVerb. – вспомогательный глагол; Breviat. – бревиативная совершаемость; Char.– характеристика совершаемости; Comb.– суффикс совместности; Conj.– союз; D.-All. – Датив-Аллатив; Durativ – дуративная совершаемость; Fut. – будущее время; Gen. – Генитив; Gerund. – деепричастие; Ill. –

Иллатив; Imperf. – имперфектная совершаемость; Ind. – индикатив; Inf. – инфинитив; Int. – интенсивная совершаемость; Interrog. – местоименный глагол; Lat. – латентив; ModalPart. – модальная частица; Neg. – отрицание; Nom. – Номинатив; NomenAct. – имя действия; Num. – числительное; Part. – частица; Past. – прошедшее время; Perf. – перфект; Pl. – множественное число; Posl. – послелог; Pres. – настоящее время; Pron. – местоимение; Px. – посессивный показатель; Refl. – рефлексив; Sg. – единственное число; Suff. – суффикс; Transl. – Транслатив; Usus – узуальная совершаемость.

Литература

1. Чейф У.Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1976 / 1982. С. 277–316.
2. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1976 / 1982. С. 193–235.
3. Боровский В.В. Топиковая модель как когнитивная и структурная универсальность (на материале языков разной типологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
4. Боровский В.В. Обоснование статуса топика в языках топикового строя: Материалы межвузовской научной конференции «Межкультурная коммуникация и перевод». М., 2005. С. 315–318.
5. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
6. Борхес Х.Л. Канва / Перевод Б.В. Дубина // Иностранный литература. 2005. № 10. С.240.
7. Девяткина Т.П. Народные приметы мордвы (мокши и эрзи). Саранск, 1994.
8. Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопросы языкоизучения. 1961. № 2.
9. Варковицкая Л.А. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам байшенского говора). М., 1947.
10. Очерки 1980 // Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
11. Кузнецова А.И. Эволюция категории двойственного числа в байшенском говоре турханских селькупов // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С.217–220.
12. Проокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. Л., 1935.
13. Кузнецова А.И. Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингвов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примере типологически разных языков – русского и селькупского) // Диалог'2001. Теоретические проблемы. Т. 1. Аксаково, 2001. С.132–140.
14. Абашина В.Н. Коммуникативно-прагматический анализ сложного предложения // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. 2000. Вып 1. С. 231–235.
15. Московой В.А. Интерроргация в языках различного строя. Логико-семантическое и структурно-типологическое исследование. Ростов-н/Д., 1989.

СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМПРЕССИВА В НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

N.G. Кузнецова¹, Э.В. Усенкова²

¹Томский государственный архитектурно-строительный университет

²Новосибирский государственный педагогический университет

The sphere of functioning of the impressive in Nenets

N.G. Kuznetsova¹, E.V. Usenkova²

¹Tomsk State Architecture and Civic Engineering University

²Novosibirsk State Pedagogical University

The paper considers the inflective suffix -raha(-)/-laha(-) which marks a specific mood – the Impressive, representing *situational comparison*. The focus of the analysis is on the paradigmatic and syntagmatic possibilities of the Impressive. Special close examination is given to the meaning of “seemingness” expressed by the Impressive as well as to the description of the situations which occur in conditions of direct sensory (visual) perception. In the paradigm of the Impressive there have been distinguished four temporal forms: present, past, perfect and future each having its own morphological marker.

Ненецкий суффикс *-raha(-)/-laha(-)*, выполняющий различные функции, признаётся общесамодийским: его соответствиями выступают в энецком языке – *-rhaf*, *-laha*, в иганасанском – *-raku/-ragu/-laku/-lagu* [1, с. 69]. Данный суффикс выполняет три функции: словообразующую, формообразующую и словоизменительную [2, с. 283–284].

В случае присоединения к глагольной основе он выполняет словоизменительную функцию, имеет модальное значение и участвует в образовании финитных форм, названных К. Лабанаускасом наклонением кажущегося действия [2, с. 285].

В ненецком языке суффикс *-raha(-)/-laha(-)* маркирует *ситуативные сравнения*. Эти сравнения построены на сопоставлении более или менее развернутых ситуаций. Ситуативное сравнение подобия является образным сравнением, т.е. осуществляется между понятиями, соотносимыми с одной логической категорией, а именно, действие с действием:

[Вэсакохъ хасава ню мяч чу. Мяд мюнья нув нися ёамчувы. Нув нися сят сырьета юргу. Нарханта тунэ лэюмби.] Хэвхананта сив хэх ёамчувы. Малцэ ту дэюраха".